

УДК 930.85:82(091) (История культуры (общие вопросы). История литературы)

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ. НАЧАЛО ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

© 2017 С.Х.Левин

Левин Стив Хаимович, кандидат филологических наук. E-mail: stivlevin@gmail.com

«7 искусств», «Заметки по еврейской истории», «Еврейская Старина»
<http://berkovich-zametki.com/Avtory/SLevin.htm> . Израиль, Иерусалим

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

«Волгарю Максиму Горькому Волгарь Артем Веселый», – написал автор на фронтисписе книги «Пирующая весна» (Харьков, 1929). Почти вся творческая жизнь писателя, занимающая всего два десятилетия (1917–1937), была связана с Волгой. Волга была его главной жизненной дорогой. С ней связаны главные события его жизни и творчества. Наиболее важные из них, на наш взгляд, происходили в 1917–1918 и 1927–1937 гг. Первый из этих периодов ознаменован вступлением в большую жизнь, второй – регулярными (почти каждый год) путешествиями по великой русской реке и другим рекам, в процессе которых рождались его книги, последнее путешествие – в ожидании ареста...

Вывод: Ранние произведения Артема Веселого, где впервые обозначилась главная тема его творчества – тема «России, кровью умытой», – складывались в цикл, который условно можно назвать «самарским» (писались эти произведения в 1918 году в Самаре и вобрали в себя жизненный опыт и воззрения Н.Кочкурова – настоящая фамилия А.Веселого).

Ключевые слова: Артем Веселый в раннем периоде; начало пути писателя; вехи и события жизни и творчества.

«Родился в Самаре в сентябре 1899 г. (17 (29) сентября. – С.Л.), в семье волжского крюшника (здесь и далее орфография и пунктуация А.Веселого. – С.Л.).

До революции учился, работал на заводе, служил переписчиком, мальчиком на побегушках, был и ломовым извозчиком.

В марте 1917 вступил в большевицкую партию. Вел партийную и газетную работу, как рядовой боец Красной гвардии и армии два года был на фронте» [1].

За лаконичными строками автобиографии – напряженный процесс формирования духовного облика и мировоззрения будущего автора эпических полотен «Россия, кровью умытая» и «Гуляй Волга». О том, как начинался путь писателя, поведал входивший, как и какое-то время Артем, в группу «Перевал» критик С.Пакентрейгер: «Одно время Веселого увлекала окраинная слободская голытьба. Он написал даже рассказ из жизни жуликов и воров. Отослал его в журнал “Жизнь и Суд”. По его отроческим представлениям, журналом этим должны были руководить преступники и воры. Сообщил редакции, что в случае нужды и в дальнейшем будет снабжать журнал такими же рассказами. Но ответ получил только к началу революции, в которую окунулся с головой.

Был он одно время и в анархической группе. Рабочее происхождение и рабочее окружение взяли свое. Он приобщился к работе подпольного

кружка, организованного большевиками незадолго до конца войны. С 1 марта 1917 г. вошел в партию. 2 ½ года провел бойцом на фронтах, был ранен в ногу и руку.

Был потом преукомом в г. Мелекес[с]е, который изобразил в “Стране родной” под названием Ключкин. Состоял членом редколлегии “Приволжской Правды”, членом редколлегии Тульского “Коммунара”, редактором газеты в поезде имени Калинина, редактором газеты “Красные казаки” в поезде ВЦИК.

Необузданное воображение проснулось в нем рано. В юности он написал фантастическую повесть о разбойниках, в годы гражданской войны – пьесу “Разрыв-трава”, драму “Мы”, но от ранних своих работ отказался» [2, с.11].

В сборнике произведений «Пирующая весна» Артем Веселый разделил свое творчество на два периода: первый – «пора оголтелого ученичества» (1918–1922), второй (1923–1928) – «пора ученичества сравнительного». Третий – период творческой зрелости и главных свершений – первая половина 1930-х гг., когда, начиная с 1932 г., выходят и переиздаются «Россия, кровью умытая» и «Гуляй Волга».

О раннем периоде своего творчества Артем Веселый писал так: «Писать начал рано, потому что “поперло”. Первая повесть утеряна на фронте. Первая пьеса “Разрыв-трава” – принятая к печати в 1919 г. ТЕО Наркомпроса, утеряна в недрах кан-

целярии. Драма “Мы” напечатана в “Красной Нови” № 3 за 1922 г. Вскоре в том же журнале напечатан рассказ “В деревне на масленице» [1].

К своему раннему творчеству Артем Веселый относился весьма критически. «Первой стоящей вещью считаю *Реки огненные*. Все, написанное ранее, в пору оголтелого ученичества, в счет не идет, исключая *Масленицы*» [3, с.104]. Но именно в этот период начинал складываться его облик человека и художника.

«В революцию кинулся со всем пылом и жаром молодости, – писал Артем Веселый в одной из автобиографий. – С весны 1917 г. занимаюсь революцией. С 1920 г. – писательством» [4, с.81]. Разделение это, однако, условно. Как мы видели, его первые, еще дописательские, опыты относятся к предреволюционному периоду, а с семнадцатого года началась активная журналистская работа. Многочисленные очерки, статьи и рассказы Н.И.Кочкурова (настоящая фамилия А.Веселого), под разными псевдонимами, печатаются в самарской газете «Приволжская правда», органе городского комитета большевиков, и в других изданиях.

В начале июня 1918 г. Н.Кочкуров участвует в боях под станцией Липяги против белочехов – там его ранили в ногу. Он оказывается в самарском госпитале, когда власть в городе переходит в руки эсеров и чехословацкого корпуса. По счастливой случайности избежав ареста, долечивается на одной из дач под Самарой, а затем перебирается в расположение красных.

До конца лета 1918 г. Н.Кочкуров на фронте, а в сентябре того же года – уже в Саратове, где временно размещался Самарский губком РКП(б) и было возобновлено издание «Приволжской правды», членом редколлегии которой становится красноармеец Н.Кочкуров. В Саратове он находился, по-видимому, до начала октября (9 октября 1918 г. губком после освобождения Самары от белых вернулся из эвакуации).

Первый номер (284-й по общему счету) «Приволжской правды» в Саратове вышел 11 сентября 1918 г. Кочкуров публикует в газете очерки-воспоминания об июньских сражениях на подступах к Самаре («Сильнее смерти», «На Чехословацком фронте»); лирический этюд «Лучи свободы», посвященный редактору газеты А.Х.Митрофанову; передовые статьи – обзоры положения на фронте и в тылу («Новая победа», «Наш долг»); бытовые очерки-зарисовки, где делается попытка дать своеобразный «срез» социальных настроений городского населения. Он внимательно рас-

сматривает разношерстную публику на пароходике, курсирующем между Саратовом и Покровском (ныне – г. Энгельс) («На переправе»), возмущается засилием спекулянтов всех мастей на улицах Саратова – от мальчишки, поштучно торгующего папиросами, до крупных темных дельцов – и требует беспощадной борьбы с этим злом («Спекуляция»). В двух номерах той же газеты печатается его очерк «В деревне», в котором показаны настроения крестьянской массы, вовлеченной в гражданскую войну.

Одновременно с сотрудничеством в самарской газете («Приволжская правда» выходила в Саратове ежедневно, начиная с 10 сентября 1918 г.) Н.Кочкуров активно сотрудничал и в «Саратовской Красной газете», органе городского комитета партии. Здесь за подписями «Н.Кочкуров» и «Н.К.» на протяжении сентября-октября 1918 г. помещены два его рассказа – «В чужом городе» (№172, 27 сентября) и «Братья Рулевы» (№174, 1 октября), социологический очерк «Преступность и преступники» (№169, 24 сентября), обзор событий на фронтах «Очередные задачи» (№159, 12 сентября). Эти сочинения А.Веселого, кроме рассказа «Братья Рулевы», еще не входили в поле зрения исследователей его творчества. Публикация рассказа «Братья Рулевы» – одна из самых ранних (впервые – в самарской газете «Рабочий голос», 1918, №2, 1 мая).

Рассказы и очерк связаны между собой интересом к судьбам людей, «выломанных» из нормальной жизни, ставших «босяками» и даже преступниками. Тема эта, несомненно, навеяна произведениями А.М.Горького. Начиная писатель ощущал свое духовное родство с великим «волгарем» и даже свой псевдоним «Веселый», ставший его литературным и житейским именем, искал в сопоставлении с псевдонимом – «Горький» [5]. По воспоминаниям его друга Анатолия Глебова, «вначале Кочкуров подписывался своим настоящим именем или псевдонимом “Ив. Лаптев”, “Лукиянов” и другими. Потом, откровенно подражая Горькому, которого боготворил в то время, стал подписываться “Артем Невеселый”. И лишь позже, после очередной душевной бури – “душетрясения”, как он сам говорил, – стал в один прекрасный день Веселым» [6, с.192].

Но была у Н.Кочкурова и своя причина, чтобы писать о «босяках». Тому же Глебову он рассказывал о своем «страшном детстве среди скотов и зверей», о нещадной эксплуатации, которой подвергался с четырнадцати лет на самарском заводе; о своем образовательном стаже, сводившемся

к четырем классам городского училища и нескольким десяткам разношерстных книжек, прочитанных самостоятельно. В своем роду он был первым грамотным человеком.

Революция открыла Николаю Кочкурову путь к знаниям, к творчеству, но этот путь он пробивал тяжелым и постоянным трудом: «Мы горьковский университет пешком прошли. Вот наша культура» [7, с.99]. Ему была близка и понятна судьба тех отверженных, которых старое общество толкало на преступления и которым, как представлялось молодому Артему, революция открыла путь к истинно человеческой жизни. Вот почему, сравнивая в статье «Преступность и преступники» статистические данные уголовных преступлений в период власти Временного правительства и за те же месяцы 1918 г. при Советской власти, публицист Кочкуров констатировал «быстрое падение уголовных преступлений с момента перехода власти в руки рабочих и крестьян» и возлагал надежды в отношении искоренения преступности на «социальное равенство»: «Когда мы будем жить в царстве социализма, тогда не будет ни преступников, ни судей, ни палачей. Тогда мы до основания разрушим мрачные замки и тюрьмы и на их месте построим школы, театры и народные дома». Так виделось будущее 19-летнему большевику, начинающему журналисту и писателю. Этой своей ненависти к тюрьме как символу неволи Артем Веселый оставался верен на протяжении всей своей жизни. В рассказе «Дикое сердце» (1926) было лирическое отступление, начинавшееся словами: «О, тюрьма – корабль человеческого горя...», исключенное, когда рассказ вошел как этюд в «Россию, кровью умытую» (1932). «Не нонче-завтра», по убеждению писателя, эта «крепость тиранов, твердыня земных владык» будет разрушена: «...мы придем, мы кувырнем тебя, раздергаем тебя по кирпичу и на твоих смрадных развалинах будем петь, будем плясать и славить солнце» [3, с.175]. Мог ли предположить молодой Артем, что тюрьмы и концлагеря усеют всю территорию страны «победившего социализма», а его собственный жизненный путь окончится в чекистских застенках?

Названные выше газетные публикации относятся к первому периоду его раннего творчества. Его главные книги были впереди, но уже тогда он делал попытки осмыслить перемены «в развороченном бурей быте», сопоставить прошлое и настоящее. Пример тому – рассказ «В чужом городе». Это – бытовая зарисовка. Кипит жизнь большого приволжского города, водоворот «дьявольской суеты» которого закрутил бывшего фронто-

вика Матвея Жмыха. Три недели, как он, голодный, бродит по городу и ищет работу. Деньги давно проедены, вещи тоже, в мешке остались одни грязные портянки.

В прошлом – холодные, далекие окопы. Родная, маленькая, всего в сорок дворов деревенька, затерявшаяся в необъятной степи. Но на родном пепелище Матвей не нашел того, что оставил. Скот околел, хлевы и амбар с хлебом сгорели, а изба развалилась. Жена с шестилетним сынишкой ходит по селу, побирается... И решил солдат податься в город на заработки – «авось сколочу копеечку, а там може и дела свои поправлю».

Но и в городе счастья не нашел. Нет ему места в шумном городском потоке. Ночует в городском сквере на скамейке, а с раннего утра пускается на поиски работы. Но везде слышит отказы...

Сочувствием к судьбе человека, оказавшегося «за бортом», и ненавистью к сытым и равнодушным «обывателям-мещанам» пронизан рассказ. И совсем по-горьковски описан трактир, в котором оказался продавший последние вещи Матвей Жмых: «Большое чайное зало грязно, шумно. Кругом копошатся пьяные и оборванные люди, отбросы жизни. За стойкой стоит хозяин, высокий, сухой старик. Он кричит на метавшихся лакеев, ругается с посетителями и в то же время успеваает развешивать хлеб, соленую рыбу и получать деньги. Граммофон зашипел, захрипел, заорал "ухарь купец". Матвею стало очень грустно, тяжелые и липкие думы ворочались в его голове. В памяти развертывались картины невеселой жизни, широкой ладонью он торопливо смел оставшиеся на столе крошки, нахлобучил на глаза картуз и вышел на улицу, а вдогонку неслись звуки разухабистой песенки:

– Дочку мою не позорь, не целуй ... й ... й».

В финале рассказа Матвей отправляется домой, чтобы «наняться к кому-нибудь в батраки до весеннего Николы, а там видно будет, как жить дальше». Новое ждет впереди, и это новое – революция...

То же стремление увидеть происходящие перемены со стороны «быта», контрастно сопоставить мрачное прошлое и полное надежд настоящее отличает и рассказ «Братья Рулевы». Перед нами жизнь и быт самарской рабочей слободки, где прошли детство и юность писателя. Это самый «горьковский» из рассказов А. Веселого, что в немалой степени обусловлено сходством впечатлений детства этих писателей-волгарей.

«Теперь, оживляя прошлое, я сам порой с трудом верю, что все было именно так, как было, – писал А.М.Горький в повести «Детство», – и мно-

гое хочется оспорить, отвергнуть, слишком обильна жестокостью темная жизнь “неумного племени”.

Но правда выше жалости, и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил, – да и по сей день живет простой русский человек» [8, с.20].

В этот «тесный, душный круг жутких впечатлений» погружает нас рассказ Артема Веселого. На окраине города, в рабочей слободке, отдаленной от центра обширной грязной площадью, осенью и весной превращающейся в непроходимое болото, живут в старой развалившейся бане два нищих брата – Степан и Григорий Рулевы. Хотя братья небесталанны – Степан знает сапожное ремесло, а Григорий умеет играть на гармонике и балалайке, нищенство для них – основной способ добывать пропитание. Занимаются они этим давно, с тех пор как у Степана сторела мастерская и умерла жена.

«Обыкновенно утром, выспавшись и опохмелившись, они шли на главную улицу шумного города. Старший брат садился на тумбу и, зашурившись, раскачивался из стороны в сторону и протяжно нараспев, хрипло тянул:

– Братцы, сестрицы, не откажите, на вас я надеюсь, не вижу вольного света, Бог вас не оставит, помогите!

Гришка садился на тротуар и, подогнув под себя ноги, скулил:

– Православные, окажите помощь хромому, увечному воину...

Вечером братья вставали, отряхивались и шли в обжорку пропивать деньги... Случалось, что, не имея сил добраться домой, засыпали они на дороге или где-нибудь под забором. А потом, полуживые, преследуемые озорными слободскими мальчишками, «Рули» брели домой».

...И так изо дня в день. От беспросветности этой жизни звереют и опускаются люди. Не выдержав, повесился Григорий, потешавший своей мастерской игрой на гармонике трактирных заведывающих.

Загрохотал гром революции, круто изменившей жизнь слободки. И у ремесленника Степана открылись глаза: «...теперь Степан понял смысл жизни, он внимательно каждый день прочитывает рабочую газетку...

Поняв всю глубину своего падения в прошлом и отдавая все силы души светлому будущему, Степан – большевик». На этом, как и на предыдущем рассказе Н.Кочкурова, лежит печать ученичества [9, с.104]. «Как писатель я еще младенец,

– признавался он в 1921 году, обращаясь к близкому другу, – у меня только еще прорезываются зубы художника, я еще только расправляю крылья. Я ВЕСЬ В БУДУЩЕМ!» [3, с.37].

Ранние произведения Артема Веселого, где впервые обозначилась главная тема его творчества – тема «России, кровью умытой», – складывались в цикл, который условно можно назвать «самарским» (писались эти произведения в 1918 году в Самаре и вобрали в себя жизненный опыт и воззрения Н.Кочкурова). Кроме представленных рассказов, к нему можно отнести перечисленные самим Артемом Веселым в «Первом перечне работ», предваряющем названный харьковский сборник «Пирующая весна», несохранившиеся «Погибли в чекистской контрразведке», «Начало повести о самом себе», «Рассказ о рабочей слободке», «Пир (о волжских разбойниках)» [3, с.103].

Сюда же можно отнести начатую в том же 1918-м и законченную в следующем году пьесу «Разрыв-трава». С машинописью этой до сих пор не опубликованной пьесы мне довелось ознакомиться тридцать лет назад в Москве в доме Заяры Артемовны Веселой и ее мужа Владимира Брониславовича Муравьева. На последней странице рукой автора обозначено: «Самара, 1919». Эпиграф – слова М.Горького: «А вы свою жизнь проживете, / Как черви слепые живут. / Ни сказок про вас не расскажут, / Ни песен про вас не споют». «Действие происходит в начале мировой империалистической войны, в слободе большого, губернского города» (с. 3). Место действия, как и в пьесе Горького «На дне», – подвал. Горьковские темы и мотивы воплощаются в критике мещанства и в конфликте между старшими (отец – Федор Карга, мать – Лукерья) и младшими (Владимир, Нина). В конце пьесы Карга, не сумевший переубедить сына в справедливости «старой правды», застреливается из его винтовки (сын-красногвардеец уходит в Красную армию). Как и у Горького, в пьесе звучит тема «сильного человека», который, по словам героини, «все победит, все одолеет». В «Разрыв-траве» соединены и находят завершение мотивы ранних рассказов А.Веселого «Первая получка», «Братья Рулевы» и др. Пора «оголтелого ученичества», к которой принадлежат названные произведения писателя, завершилась напечатанной в 1921 году в № 3 «Красной нови» драмой «Мы». Он берет себе имя Артем Веселый, и для него наступает «пора ученичества сравнительного»...

1. Веселый А. Автобиография. Автограф // РГАЛИ. Ф. 1683. Оп. 1. Ед. хр. 3.
2. Пакентрейгер С. Артем Веселый. Очерк // Красная нива. 1927. №13. С. 11.
3. Цит. по.: Веселая Г., Веселая З. Судьба и книги Артема Веселого. М., Аграф, 2005. 376 с.С. 104.
4. Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / под ред. Вл. Лидина. 2-е изд., доп. и испр. М., «Современные проблемы» Н.А.Столяра, 1928. 395. С. 81.
5. О непростых в дальнейшем отношениях между М.Горьким и А. Веселым см.: Веселая Г., Веселая З. Судьба и книги Артема Веселого, (гл. «Максим Горький и Артем Веселый»).
6. Глебов Анатолий. Молодой Артем // Новый мир. 1963. №11. С. 192.
7. Миненко-Орловская О. Артем Веселый. Воспоминания // Волга. Куйбышев, 1960. №21. С. 99.
8. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: в 25 томах. М., «Наука», 1972. Т. XV. С. 20.
9. Писатель, видимо, хотел продолжить тему семьи Рулевых: среди его ранних опытов, которые, по его признанию, были «уничтожены и преданы забвению», был рассказ «Ольга Рулева». См.: Веселая Г., Веселая З. Судьба и книги Артема Веселого. С. 104.

ARTEM VESYOLY. THE START OF CREATIVE WORK

© 2017 S.H.Levin

Steve H. Levin, candidate of philological sciences. E-mail: stivlevin@gmail.com

7 Arts, Notes on Jewish History, Jewish Antiquity

<http://berkovich-zametki.com/Avtory/SLevin.htm>. Jerusalem, Israel

'To Maxim Gorky, the native of Volga region from Artem Vesely, the native of Volga region' was written by the author on the frontispiece of Feasting Spring (Kharkov, 1929). Almost the whole life of the writer which took only two decades (1917 – 1937) belonged to the Volga river. The Volga was his main life road. All the main events of his life and creative work relate to it. In our opinion, the most important events were in 1917 – 1918 and in 1927 – 1937. The first period was the start of great life, while the second one was full of journeys (which were nearly every year) through the great river and other ones. While travelling, he was writing his books, and the last journey was in expectation of being arrested.

Conclusion: earlier works of Artem Vesely where the main theme of his creative work was defined – Russia wept with blood, was forming the cycle which can be figuratively called Samara (these works were created in 1918 in Samara and imbibed N. Kochkurov's life experience and attitudes – whose pen name is A.Vesely).

Key words: early period of Artem Vesely's life; the start of the writer's life; milestones and main events of the writer's life and creative work.

1. Veselyi A. Avtobiografiia. Avtograf (Autobiography. Autograph). RGALI. F. 1683. Op. 1. Ed. khr. 3.
2. Pakentreyger S. Artem Veselyi. Ocherk (Artem Vesely. Digest). *Krasnaia niva*. 1927. №13. S. 11.
3. Tsit. po.: Veselaia G., Veselaia Z. Sud'ba i knigi Artema Veselogo (The Life and Books of Artem Vesely). M., Agraf, 2005. 376 s.S. 104.
4. Pisateli. Avtobiografii i portrety sovremennykh russkikh prozaikov / pod redaktsiei Vl. Lidina. 2-e iz-danie, dopolnennoe i ispravlennoe (Writers. Autobiographies and Portraits of Modern Russian Prose Writers / edited by Vl. Lidin. 2nd revised and enlarged edition). M., "Sovremennye problemy" N.A.Stolliar, 1928. 395. S. 81.
5. O neprostykh v dal'neishem otnosheniiax mezhdru M.Gor'kim i A. Veselym sm.: Veselaia G., Veselaia Z. Sud'ba i knigi Artema Veselogo (Complicated A. Vesely's Relationship with Maxim Gorky).
6. Glebov Anatolii. Molodoi Artem (Young Artem). *Novyi mir*. 1963. №11. S. 192.
7. Minenko-Orlovskaiia O. Artem Veselyi. Vospominaniia (Artem Vesely. Flashbacks). *Volga. Kuibyshev*, 1960. №21. S. 99.
8. Gor'kii M. Polnoe sobranie sochinenii. Khudozhestvennye proizvedeniia: v 25 tomakh (Complete Works. Pieces of Art: in 25 volumes). M., «Nauka», 1972. T. XV. S. 20.
9. Pisatel', vidimo, khotel prodolzhit' temu sem'i Rulevykh: sredi ego rannikh opytov, kotorye, po ego priznaniuu, byli «unichtozheny i predany zabveniiu», byl rasskaz «Ol'ga Ruleva». Sm.: Veselaia G., Veselaia Z. Sud'ba i knigi Artema Veselogo (The Life and Books of Artem Vesely) S. 104.